

*Людмила Шевчик*

## **ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА СЛАВЯН : ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

В XX веке характерной чертой науки становится антропоцентризм. Человек является объектом исследования различных дисциплин, в том числе лингвистики. Антропоцентрическая лингвистическая теория признает невозможным изучение языка вне человека, связь мышления и речи (языка) настолько очевидна, что ее нельзя игнорировать. В результате речемыслительной деятельности человека в его сознании формируется языковая картина мира – *«образ действительности, в создании которого большую роль играют универсальные категории сознания и мышления, среди которых ведущая роль принадлежит психическим состояниям»* [2, б]. У каждого общества создается своя языковая картина мира. Наполнение ее зависит от различных факторов, в том числе от наличия тех или иных лексем в языке.

Эмоциональный аспект является одним из элементов в общем представлении человека о мире. В последнее время в науке все больший интерес проявляется к психической составляющей человека. Область психики представляет интерес для психологии, философии, этики, эстетики, психолингвистики. Не стала исключением и лингвистика: в ней появилась новая отрасль, которая исследует лексику эмоций, – эмотиология. Объектом изучения эмотиологии становится лексическое выражение психических состояний.

Эмоциональность как проявление психического состояния человека составляет неотъемлемую часть его жизни. При вербализации эмоциональных состояний происходит трансформация психической категории эмоциональности в языковую категорию эмотивности. По мнению лингвиста В. И. Шаховского, занимающегося исследованиями в области эмотиологии, **эмотивность** – это *«имманентно присущее языку семантическое свойство выразить системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции»* [4, 4].

Как часть представлений об окружающем мире, отраженных в языке, эмотивная лексика дает нам возможность больше узнать и о самом человеке. Чем больше данных предоставлено для анализа, тем интереснее наблюдения. При исследовании эмотивной лексики современного русского языка формируется представление об эмоциональной сфере жизни человека. Если сравнить полученные сведения с материалом исследования на базе старославянского языка, то есть языка предков современных восточных славян (русских, украинцев и белорусов), то картина получается более полной и богатой. В то же время интересно сопоставление лексико-семантических полей эмоций в старославянском и современном русском языках.

Если рассматривать устное народное творчество с точки зрения его эмоциональной оценочности, экспрессивности, то эмоциональность фольклора очевидна. Большинство произведений народного творчества проникнуто эмоциями, выражением своих чувств. Особенно это касается песен. Также много наблюдений над эмоциональной сферой жизни в пословицах и поговорках. Для человека важно, как относятся к нему окружающие, что они думают, как реагируют на те или иные слова и действия. Отсюда в человеке развивается тонкая наблюдательность, которая по мере приобретения знаний об окружающем мире перерастает в мудрость. Можно сказать, что так количество переходит в качество. Это легко заметить, если пообщаться с людьми поколения наших дедушек и бабушек, выросших в деревне. Действительно: образования у них часто нет, откуда же такое знание людей, их психологии? В том и заключается мудрость, что она не приобретается посредством науки, а приходит с жизненным опытом, от корней. Поэтому, на наш взгляд, чтобы приобщиться к этому источнику знаний, стать «тонким психологом», не имея специального образования, необходимо изучать народные произведения, в том числе и с эмоциональной точки зрения.

Всю эмотивную лексику можно разделить между несколькими универсальными смыслами, которые носят вневелингвистический характер. Для их обозначения в лингвистике введем термин «базовый исходный эмотивный смысл» – это *эмотивный смысл, который с учетом высокой представленности можно отнести к универсальным* [1, 26]. Чаще всего в словарных дефинициях повторяются 37 базовых исходных эмотивных смыслов: «беспокойство», «вдохновение», «вера», «влечение», «высокомерие», «горе», «грусть», «доброта», «дружба», «жалость», «желание», «жестокость», «злость», «интерес» («любопытство»), «искренность», «лицемерие», «любовь», «наглость», «надежда», «неверие», «недовольство», «неприятность», «обида», «одиночество», «одобрение», «протест», «равнодушие», «радость», «смелость», «смирение», «сомнение», «спокойствие», «страх», «стыд», «уважение», «удивление», «удовольствие».

В современном русском языке преобладают базовые исходные смыслы «горе» (8,6% от числа всех эмотивных лексем), «любовь» (8,6%), «радость» (7,6%), «неприятность» (7,4%). В старославянском языке основное количество лексем приходится на базовые исходные эмотивные смыслы «любовь» (7,6%), «неприятность» (6,4%), «злость» (6,3%), «доброта» (6%). Вместе эти слова составляют 26,3% от общего числа лексем, что немного больше, чем третья часть от всей эмотивной старославянской лексики.

Нетрудно заметить, что несмотря на десятивековую разницу между исследуемой лексикой есть точки соприкосновения. Для славян, как, видимо, для любого человека, во все времена приоритетными являются понятия любви и неприязни (ненависти). В народе говорят: «*От любви до ненависти – один шаг*», «*Кто кого чубит, тот того любит*». Это объясняется тем, что сильные, интенсивные противоположные чувства и эмоции имеют свойство замещать друг друга, если человек не может, по выражению Ж.-П. Сартра,

«удержать высших форм поведения»: «Когда задача слишком трудна и когда мы не можем удержать высших форм поведения, которые были бы к ней приспособлены, тогда освобожденная психическая энергия расходуется другим путем: мы придерживаемся более низких форм поведения, которые требуют меньшего психологического напряжения» [5, 38]. Но именно чувства-антагонисты поддерживают эмоциональное равновесие внутри человека.

Эмотивные смыслы часто находятся в отношениях антонимии: «беспокойство» – «спокойствие», «вера» – «неверие», «горе» – «радость», «злость» – «доброта», «одиночество» – «дружба», «жалость» – «жестокость», «искренность» – «лицемерие», «любовь» – «неприязнь», «наглость» – «стыд», «недовольство» – «удовольствие», «протест» – «смирение», «смелость» – «страх». Обусловлено это характером переживания чувств и эмоций человеком, так как чувство всегда представляется полярным: либо положительным, либо отрицательным («доброта» – «злость»). Как правило, эти антонимические пары являются противоположными полюсами одного чувства. Может рассматриваться антитеза «наличие чувства – его отсутствие» («вера» – «неверие»).

Данные базовые смыслы могут быть объединены в более общие группы, в частности – в концепты. По лексикографическим данным основное количество эмотивных лексем в старославянском и современном русском языках приходится на антонимические пары базовых исходных смыслов «любовь» – «неприязнь», «злость» – «доброта», «радость» – «горе». Их при исследовании мы определили как эмотивные концепты. Под **концептом** понимается *ментальное образование, которое включает понятийную, образную и аксиологическую составляющие*.

Особый интерес представляют эмотивные концепты, реализующиеся в старославянских лексемах. С их помощью создается особый мир древних славян, не похожий на современный. В старославянском языке эмотивные концепты отражают противопоставление Божественного и земного, они очень абстрактны. Концепты образуют две полярные группы, воспринимаемые носителями языка как положительная и отрицательная. Группа концептов с положительной семой (**любовь, доброта, радость**) относится к миру горнему, в них раскрывается вера в могущество и милость Бога, надежда на спасение, подражание сущности Бога. Противоположные концепты (**неприязнь, злость, горе**) относятся к миру грешников, к земной беззаконной жизни.

Рассмотрим *положительные* эмотивные концепты, проиллюстрировав их примерами из старославянского языка, в частности – из «Синайской псалтыри» (в ссылках указаны псалом и стих).

К концепту **любовь** мы отнесли лексемы, принадлежащие базовым эмотивным смыслам «любовь», «желание», «смирение», «вера», «надежда», «жалость», «смелость», «удовольствие», «удивление».

«Любовь» для средневекового человека делилась на Божественную и земную. Божественная любовь воспринималась как истинная, она определяла

жизнь и помыслы человека, так как он во всем стремился подражать Богу, жить по Его заповедям: законъ же твој възлюбихъ (*закон же твой полюбил*) [3, ис. 118, ст. 113]. В то же время проявлялась и любовь Бога к человеку: Он награждал праведников: дгда дастъ възлюблен=имъ својмъ сонъ (*когда даст возлюбленным своим сон*) [3, 126, 2].

Любовь земная воспринималась двояко: одно значение – любовь к ближнему, в которой человек подражал Богу. Отсюда – проявление доброты, то есть концепты **любовь** и **доброта** смежные. Но доброта – это прежде всего атрибут Бога: благосътвориль еси съ рабомъ твојмъ (*сделал добро рабу твоему*) [3, 118, 65].

Еще одно отражение любви земной – плотская любовь. Она не одобрялась средневековым обществом, так как связана со страстью, с физическим «желанием»: люб= створјше въ начинанјхъ својхъ (*блудодествовали поступками своими*) [3, 105, 39]. Тем не менее, такие лексемы, как възделѣти (*сильно захотеть, возжаждать*), желѣнид (*желание*) воспринимались двояко: положительно, если речь шла о желании праведной жизни: възделѣхъ заповѣдеј твојхъ (*возжаждал заповедей твоих*) [3, 118, 40], и отрицательно, если говорилось о страстях: желание грѣшникуо пог=бнетъ (*желание грешника погибнет*) [3, 111, 10].

Неотъемлемым атрибутом любви является «смирение», принятие воли Божией: вјждь съмѣренъе мое (*заметь смирение мое*) [3, 24, 18]. Человек покорялся Богу, так как «веру» и «надежду» возлагали на Него: добро есть надѣѣти сс г<оспод>ѣ • неже надѣѣти сс на чл<о>в<ѣ>ка (*хорошо надеяться на Господа, нежели надеяться на человека*) [3, 117, 8]. Человеку смиренному, любящему свойственно чувство сострадания, милосердия, «жалости»: авј намъ г<оспод>ј мјлость твок (*покажи нам, Господи, милость твою*) [3, 84, 8]. В то же время человек должен быть «смелым», чтобы крепко стоять в вере: мѣжај сс и да крѣпјтъ сс срьдъце твое (*мужайся, и пусть укрепится сердце твое*) [3, 26, 14].

Понятие «удовольствия» также связано с представлениями о Боге, так как прославление Его и есть источник радости, удовольствия: да насладить сс емоу бесѣда моѣ (*пусть доставит удовольствие Ему беседа моя*) [3, 103, 34].

Интересный случай являет собой употребление лексемы дивно (базовый смысл «удивление»). В словаре дается перевод *удивительно*. В контексте же «Синайской псалтыри» у лексемы появляется другой смысловой оттенок – *дивно, чудесным образом*: наставјтъ тс дјвно деснјца твоѣ (*направит тебя чудесным образом правая рука твоя*) [3, 44, 5].

Концепт **радость** также связан с концептом **любовь**, так как радость проявлялась в отношении Бога, Его дел: възсклјкнѣте б<ог>оу гласомъ радостј (*возликуйте Богу голосом радости*) [3, 46, 2].

Теперь обратимся к *отрицательным* эмотивным концептам. Концепт **злость** наполняется лексемами, принадлежащими базовым смыслам «злость», «жестокость». Если любовь, доброта принадлежат как Богу, так и человеку, то злость, неприязнь свойственны только человеку, это результат

его свободного выбора поведения. Природа зла волновала средневековых философов, зло воспринимали как недостаток (убывание) добра. Отсюда в человеке «жестокость»: не ожестѣте сръдець вашѣхъ (*не ожесточите сердец ваших*) [3, 94, 8]; желание мстить, проявлять свою «злость»: да раздроушѣши врага ѣ мѣстѣнѣка (*сокрушишь врага и мстителя*) [3, 8, 3], покр=и мс отъ сонѣма зълѣбѣв=хъ (*спрячь меня от собрания злых*) [3, 63, 3].

Концепт **неприязнъ** перекликается с концептом **злость** и реализуется через базовые исходные эмотивные смыслы «неприязнъ» (ненависть): узбавѣ отъ ненавѣдсштѣхъ мс (*спаси меня от ненавидящих*) [3, 68, 15]; «недовольство»: ёко въздревъновахъ на беззаконь=с мѣрѣ грѣшнѣкѣ вѣдс (*так как вознегодовал на беззаконных, видя мир грешников*) [3, 72, 3]; «высокомерие»: не прѣложитъ потомъ велѣчатѣ сс чл<овѣ>коу на земѣ (*не подобает человеку гордиться на земле*) [3, 9, 39].

Как кара за неправедность и греховность – ощущение «горя», чувство скорби: възкрѣбѣхъ печальк моек (*заскорбил печалью моей*) [3, 54, 3]; «грусть»: въздрѣма доуша моѣ отъ оун=ниѣ (*заснула душа моя от уныния*) [3, 118, 28]; «страх»: боѣзнъ ѣ трепеть прѣде на мс (*страх и трепет найдет на меня*) [3, 54, 6]. В то же время страх был двойствен по природе: животный, низменный страх и страх Божий – благоговейный трепет: далъ есѣ босѣгѣимъ сс тебе знаменье (*дал боящимся Тебя знак*) [3, 59, 6]. Эти базовые эмотивные смыслы объединяются в концепт **горе**.

Таким образом, языковая картина мира славян включает в себя эмоциональную составляющую, которая реализуется в эмотивной лексике. Все эмотивные лексемы можно разделить между несколькими универсальными смыслами, которые носят вневлигвистический характер. В современном русском и старославянском языках можно выделить 37 базовых исходных эмотивных смыслов, которые, в свою очередь, являются реализацией шести эмотивных концептов (**любовь – неприязнь, доброта – злость, радость – горе**). Как базовые эмотивные смыслы, так и концепты пронизаны антонимическими связями. Есть концепты, смежные между собой (**любовь, доброта; злость, неприязнь**). Также они образуют парные оппозиции и делятся на две группы – с положительной и отрицательной семьей. «Положительные» концепты относятся к миру Божественному, «отрицательные» – к миру земному. В народном творчестве эмоциональность проявляется особенно ярко в песнях, пословицах, поговорках. Для того чтобы лучше понять душу народа, усвоить его мудрость, фольклор нужно изучать и с эмоциональной точки зрения.

## **ЛИТЕРАТУРА**

1. *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
2. *Лазариди М. И.* Номинативно-функциональное поле психических состояний в современном русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2001.

3. Синайская псалтырь: Глаголический памятник XI века / С. Северьянов. Graz, Austria, 1954.

4. *Шаховский В. И.* Эмоциональная/эмотивная компетенция в межкультурной коммуникации (есть ли неэмоциональные концепты) // Аксиологическая лингвистика: Проблемы изучения концептов: сб. науч. тр. Волгоград, 2002.

5. *Sartr J. P.* Esquisse d'une théorie des émotions. Hermann, 1995.